

Александр Гальпер

В 4 стихотворениях рассказывается одна и та же история.

Она рассказывается от имени одного и того же лирического героя («я»), маскирующегося под автора.

Она рассказывается с вариациями и даже немного противоречащими друг другу деталями, как и полагается в разных историях об одном и том же.

Главный герой этих историй — Алёша, как и названо последнее стихотворение.

Я не знаю, выдуманный это персонаж или у него был прототип, настоящее это его имя или придуманное.

Но это не важно.

Само имя выбрано точно.

Сразу вспоминаются разные Алёши, услужливо предлагаемые гуглом.

Начиная с былинного Алёши Поповича.

Через песню «Алёша» на стихи Константина Ваншенкина и музыку Эдуарда Колмановского,

посвящённую памятнику в болгарском городе Пловдиве,

написанную в 60-х годах,

которая была гимном города Пловдива до 1989 года.

И отчасти благодаря этой песне Алёшами стали называть

монументы в других городах: Мурманске, Таллине, Харькове, болгарской Русе.

Может быть, не связаны с былинами и этой песней (хотя кто знает)

художник-концептуалист и биофутурист, украинский и русский, из Дюссельдорфа, по имени Алёша,

и певица из Запорожья, обладательница всяческих наград и скандала на Евровидении, по имени Алёша.

И заканчивая антропоморфным артефактом, найденным в 1986 году у южной окраины города Кыштым в Челябинской области,

представляющим собой мумифицированные останки человеческого выкидыша,

чья биологическая видовая принадлежность долгое время не была установлена с полной достоверностью,

а останки впоследствии утрачены,
по имени Алёшенька.

Вот в этот фантазмагорический ряд естественно встраивается и герой стихотворений Александра Гальпера.

Кроме Алёши, есть ещё два персонажа: лирическое «я» и колумбийка герлфренд по имени Мария.

Они образуют треугольник, в котором Алёша и «я» кажутся зеркальными образами друг друга: оба поэты, оба пьют, оба едят сибирские пельмени, а Мария — между ними, переходит от одного к другому.

Кстати в слове «герлфренд» в одном месте опечатка — пропущена буква «р».

Ну, я думаю, что это опечатка.

Там же, чуть ниже, другая опечатка: к «я» применено слово женского рода «живущей», хотя «я» вроде бы мужчина.

Ну, я думаю, что это опечатка.

Хотя в следующем стихотворении опять: то герлфренд, то гелфренд.

Что такое гелфренд, я не знаю.

Не то Гил Френд — системный эколог и бизнес-стратег, считающийся основателем движения за устойчивое развитие бизнеса и известный тем, что вдохновляет, стимулирует и поддерживает лидеров бизнеса, политики и инвестиций в переосмыслении бизнеса в свете изменения климата и проблем устойчивости.

В переводе на русский, по-моему, шарлатан.

В русской транскрипции встречается только в казахском тексте, рекламирующем его книгу «Правда о зеленом бизнесе»: Жасыл бизнес туралы шындық жазған Гил Френд.

Не то Гел Френд, т.е. гелиевый друг.

Сначала герлфренд уходит от «я» к Алёше, потом целуется с «я», потом дерётся с Алёшей, потом безумно любит Алёшу, потом Алёша её выгоняет из-за незнания английского и русского языков, потом она рыдает и хочет выпрыгнуть из окна, а в конце, когда Алёша уже умер, встречает «я», расплакивается и говорит на английском, немного научившись говорить на нём.

В лице этой герлфренд мы видим вершину ещё одного треугольника.

Две другие вершины: Америка и Россия.

Америка представлена характерным набором из Госдепа, ЦРУ, счастливых лебедей в Центральном парке с мэром города, конгресса фантастов с Айзеком Азимовым, масонов, тайно не управляющих миром, Вашингтонских бюрократов, насмешливой Нью-Йоркской Луны, Брайтон Бича, панковско-анархистского литжурнала и американских империалистов.

Россия представлена, главным образом, русской водкой.

А ещё тем же журналом, печальными российскими диссидентами, тестом по русскому языку, двумя русскими словами: «Кошка!» и «Что?», и, конечно, противным Путиным.

Сама герлфренд Мария представляет наивно-революционно-романтический третий мир, не понимающий ни по русски, ни по английски, с портретами Иисуса Христа и Че Гевары, влюблённый в Алёшу и его большой портрет, не любящий капиталистов и русскую водку.

Этот цикл стихотворений является контрпримером, опровергающим известный и широко распространённый тезис о том, что стихи не должны быть «про что» и «о чём».

Стихи отличаются от прозы тем, что не рассказывают всякие истории и сюжеты. Вот здесь как раз рассказывается история, здесь как раз сюжет.

Да, конечно, и для этого выбираются не любые слова, не любые их сочетания, не любые переходы, а те, что делают текст поэтическим.

Но это как бы поэзия вопреки, если можно так выразиться.

О природе-погоде, пейзаже здесь и речи нет.

Когда в небе появляется Луна, то это только для того, чтобы посмеяться над героем.

Это не та Луна, которая ледяная планета поэтов.

Это нью-йорская луна — с маленькой буквы.

Поэтичной здесь сделана сама история, сам сюжет, в котором ничего поэтичного нет.

Ну, что поэтичного в смерти от алкоголизма?

А роль всяких поэтических приёмов и образов здесь играют ирония, юмор и сарказм.

Счастливые лебеди, печальные диссиденты, противный Путин, герлфренд вместо девушки и т.д.

И — как итог — заключительные слова: американские империалисты и русская водка.

Водка поминается 11 раз, а когда я решил подсчитать число американских реалий, сбился со счёта и увидел, что их просто много.

Ирина Чуднова

Для начала я нарисовал таблицу в два столбца: слева писал китайские слова, справа — русские.

Нейтральные слова и слова, которые не русские и не китайские, я старался никуда не помещать.

Китайских слов получилось чуть больше.

Но если учесть некоторые нейтральные слова, которые уже заимствованы в русском языке, но получится примерно поровну.

Под словами я имею в виду и слова, и обороты речи, и образы.

Начинается всё по-русски: **обэриу**.

Дальше **бутылочное стёклышко** — из русского детства, хотя это уже, может быть, нейтральное слово.

Потом **циркуль**, который я определил как нейтральное слово, и **треножник** — конечно, китайский.

Потом много всего.

Кончается всё по-китайски: **с нерождённой цикадой во рту**.

Вот с конца и начну.

Понятно, что цикада — это по-китайски, устойчивый образ в китайских стихах, и, кстати, в других стихах Ирины Чудновой тоже, примета приближающейся осени и быстротечности жизни,

о чём и говорится в предыдущей строке:
быстротечен век, бесконечен час.

Чуть выше поминается **предел всему** — это, конечно, *Тайцзи* — Великий Предел — исток всего сущего, в том числе трёх начал — неба, земли и человека.

В Китае цикада считается летним насекомым, которое на зимнюю спячку прячется в земле.

Буддисты увидели в этой системе сходство с тем, как человеческое существо заново рождается через смерть, переходя из одного тела в другое.

В древней традиции существует обряд, когда в рот умершего кладут под язык нефритовую цикаду.

Это должно помочь ему найти достойное воплощение в новой жизни и позволить разговаривать в загробной жизни.

И не случайно в последнем стихотворении смерть поминается на три строки выше цикады.

А ещё нерождённая цикада во рту сразу напоминает «Сон в красном тереме», другое название которого — «История камня».

А именно: яшмы, с которой во рту родился главный герой романа Баоюй.

Эта яшма здесь указывается иероглифом 玉 — юй, который означает одновременно и яшму, и нефрит, и жадеит.

И сейчас, если вы наберете в гугле «яшма цикада», то первое, что вам предложат, будет нефритовая цикада «Хотан чан» 和田蝉, где *чан* — это цикада, а *Хотан* — округ в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, где с ханьских времён добываются наиболее ценимые в Китае сорта нефрита.

Правда, в интернете обычно предлагают не нефрит, а стеклянную имитацию.

Всё это, конечно, очень по-китайски, но вот в стихи.ру это стихотворение Ирины снабжено эпиграфом из стихотворения Алкея «К Аполлону» в переводе Вячеслава Иванова.

Цикада

Хмельней стрекочет, не о своей глася

Блаженной доле, но вдохновенная

От бога песен.

Правда, это первоначальная редакция, потом Иванов устранил перенос из строфы в строфу:

*Хмельней цикада не о своей поет
Блаженной доле, но вдохновенная
От бога песен.*

Дальше в обоих случаях упоминается «Касталийский родник».

Эта отсылка к некитайскому контексту говорит либо о желании отметить связь времён и культур, кстати, греки тоже любили цикаду, либо о нежелании писать сугубо китайские стихи.

Нежелание, в общем, похвальное как нежелание быть вторичной.

И, действительно, в этих шести стихотворениях китайское влияние только чувствуется, но китайщины нет.

Даже в стихах, названных по трём из двадцати четырёх сезонов лунно-солнечного сельскохозяйственного календаря.

Примечательно в первом стихотворении перечисление растений, все имена чисто русские: **подорожник, чертополох, сурепка, чистотел.**

Но есть и **ковыль** — не то южно-русский, не то северо-китайский.

А подорожник **ластится к такыру**, который раньше был в Советском Союзе, а ныне в независимых среднеазиатских государствах, а ещё — в северо-западных пустынях Китая.

Иногда возникает довольно причудливое сочетание.

Например, в стихотворении «Цинмин» присутствуют,

с одной стороны: **Лубянка, Бородино, советский заштатный сельмаг,**

с другой стороны: **на Цинмин с неба янская рухнет вода,**

янская, потому что весна, свет-ян усиливается, инь-тьма уменьшается,

а с третьей стороны: вообще **индрик-зверь, моя хтонь и моя Тонька.**

Кистепёрыми оказываются не рыбы, а птицы.

Дворник узколиций, да ещё и **придворный**. Снеговик-уродец назван по-китайски **ритуальным**, а не, скажем, по старинному обряду или традиционным. Мы же теперь только похороны называем ритуальными. И ещё какой-то **китайский двусмысленный тать**, потому что это всё же китайский праздник Цинмин — день поминовения усопших. Поэтому **город ночью приходит умирать, чтоб наутро смердеть и гордиться**.

А ещё **барышня** (слово русское) получает китайское имя **И**.

Тут я вспоминаю книгу Валентина Загорянского (он же композитор Глеб Седельников), которая составлена из двустуший и одностуший и называется «СУГРОБ ГОСПОДЕНЬ или КНЯЗЬ «И»».

Вот это «И» здесь совсем не случайно напоминает не только «Князя Игоря», но ещё и «Книгу Перемен» — И цзин — Канон И. По 12 двустушиям из этой книги Глеб потом сделал музыкальную композицию под названием

«Изначальное свершение» — это мантическая формула из Канона Перемен. Кончается книга двустушием

*Хвалы не будет и хулы не будет:
В сугроб Господень прячется князь И.*

Так что «барышню И» я теперь тоже воспринимаю не только как Ирину Чуднову, но и как некую женскую ипостась Перемен.

Можно отметить и тщательное указание времени и места: **Пекин, Лунцзэ**.

Как я понимаю, это пригород Пекина, в районе городского подчинения Чанпин.

Лунцзэ — станция метро на 13-й линии.

Не знаю, как переводится: не то благожелательность дракона, не то императорский, т.е. драконовый, пруд.

Мир Ирины Чудновой отличается от мира Александра Гальпера именно тем, чем и должны отличаться китайские стихи.

Во-первых, наличием природы, пейзажа, растений, погоды и т.п.

И отсутствием той ироничной ноты, которой пронизаны стиха Александра.

Во-вторых, соответствующими философскими и прочими ассоциациями.

В последнем стихотворении **«ПЕРЕД ВЕЧНОСТЬЮ»** это очевидно, об этом и само название говорит.

Но, вот, скажем, почему в стихотворении ДАСЮЭ всё время речь идёт о металле: само это слово встречается 4 раза.

Дело происходит в начале зимы, но до наступления зимних холодов, которые отсчитываются от зимнего солнцестояния.

Это значит, что **ещё не снег, не снег, ещё не гнев зимы.**

Это ещё как бы осень, хоть и очень поздняя, а осень — по китайской формуле 五行 — У СИН — пять стихий, элементов, превращений и т.д. — это запад — поэтому **гляжу на запад**, это острый вкус и металлический запах, что похоже на **миндаль**,

и, наконец, это **металл**, которым пронизано всё стихотворение.

Но я уже говорил о нежелании писать сугубо китайские стихи.

И, в общем-то, стихи Ирины во всяком случае не являются перепевами или отголосками китайской классики.

Они совершенно современны.

Как, кстати, и стихи современных китайских поэтов.

Просто их не спутаешь со стихами, написанными не в Китае и без всякого влияния Китая.

А в общем-то сегодня получился такой интересный треугольник: Америка—Россия—Китай.

Как сказал бы Игорь Сид, геопозитический.

И стихи Ирины Чудновой написаны, конечно, в современном Китае, в котором, как и везде, приметны черты транснациональные, отрывки глобализма, олицетворением которого стала Америка.

Ну, вот, скажем, «небесное сердце» — образ китайский, однако:

**и небесное сердце забудет
разбивать себя ежевечерне в немые
немые стёкла городской пустоты –
министерств, магазинов, отелей..**

И замыкая круг, я подумал: что-то мне напоминают стихи-рассказы Александра Гальпера.

Что-то совсем не американское.

Не то абсурдистские буддийские *гунъань* (коан по-японски).

Не то своеобразный юмор Чжуан-цзы, когда он, в лице своего героя Цзы-Ли, говорит умирающему другу Цзы-Лаю: – Как это здорово – созидание преобразений. Что с тобой опять сотворится? К чему тебя приспособят? Сделают из тебя крысиную печень, а то, может, и лапку насекомого?

15 минут